

ПОСЛЕДНИЙ ДОМ НА НИКЧЕМНОЙ УЛИЦЕ

INSPIRIA

Москва

2021

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
У64

Catroina Ward

THE LAST HOUSE ON NEEDLESS STREET

Copyright © Catriona Ward, 2021

Дизайн обложки: © blacksheep-uk.com

Редактор серии Ю. Чернова

Уорд, Катриона.

У64 Последний дом на Никчемной улице / Катриона Уорд ; [перевод с английского В. Липка]. — Москва : Эксмо, 2021. — 384 с.

ISBN 978-5-04-118994-5

«Мужчина примерно двадцати семи лет, в браке не состоит. Безработный или же занят ручным трудом.

В общественном плане маргинал.

Скорее всего, ранее привлекался за насильственные преступления.

Мотивация для похищения ребенка сводится к...»

Так Ди представляет маньяка, лишившего ее младшей сестры много лет назад. До сих пор полиция не может ничего сделать — зацепок нет. Только по крошечной улике — старой фотографии подозреваемого — Ди начинает собственное расследование.

Хоть на ней и не видно лица, есть кое-что важное — адрес. Туда Ди и переедет.

Никчемная улица.

Последний дом.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-118994-5

© Липка В., перевод на русский язык, 2021
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2021

*Посвящается моему племяннику
Риверу Эмануэлю Уорду Эноху,
родившемуся 14 августа 2020 года*

Тед Баннерман

Сегодня годовщина Девочки с фруктовым мороженым. Это случилось одиннадцать лет назад у озера — вот она была, и вдруг ее не стало. Так что день, когда я обнаруживаю, что среди нас затаился Убийца, с самого начала можно назвать паршивым.

Первым делом мне на живот с пронзительным мяуканьем, напоминающим перезвон заводных часов, тяжело плюхается Оливия. Если на свете и есть что-нибудь лучше кошки в кровати, мне об этом ничего не известно. Я обхаживаю ее, как только могу, потому как позже придет Лорен и она тут же исчезнет. Моим дочери и кошке в одном помещении не ужиться.

— Я проснулся! — говорю я. — Сегодня твоя очередь готовить завтрак.

Она смотрит на меня своими желто-зелеными глазами, тихонько уползает, находит солнечный зайчик, бросается на землю, щурится и время от времени бросает в мою сторону взгляд. Кошки шуток не понимают.

Я поднимаю с крыльца газету. Мне нравится наше местное издание по той простой причине, что в нем сообщается о появлении редких птиц — если заметишь какое-нибудь необычное пернатое типа северного дятла или сибирской завирушки, им можно написать. Да-

же в такую рань затянутый маревом воздух теплый, как суп. Улица оживлена еще меньше обычного. Она притихла, будто погрузившись в воспоминания.

При взгляде на первую полосу у меня внутри все сжимается и скручивается в тугий узел. Вот и она. У меня совсем вышибло из головы, что сегодня ее годовщина. Со временем я не в ладах.

Фотография всегда одна и та же. Большие глаза, притененные полями шляпы, и пальцы, вцепившиеся в палочку мороженого с такой силой, будто она боится, как бы его не отняли. На голове влажные, блестящие, короткие, как у мальчишки, волосы. Она купалась, однако никто не закутал ее в пушистое полотенце, дабы вытереть. Мне это не нравится. Так можно подхватить простуду. Другую фотографию — ту, на которой изображен я, — на этот раз печатать не стали. Из-за этого газетчики нарвались на крупные неприятности. Хотя как по мне, то все же недостаточно крупные.

Ей было шесть. Все очень расстроились. В окрестностях, особенно у озера, у нас с этим проблема, поэтому ситуация развивалась быстро. Полицейские обыскали в округе дома всех, кто, по их мнению, мог причинить ребенку вред.

Поскольку мне при этом присутствовать не разрешили, я вышел на крыльцо. Было лето, глаза слепило от света, жара стояла, как на поверхности какой-нибудь звезды. От затяжного послеполуденного зноя у меня медленно обгорала кожа. Я слышал, как полицейские откидывали уродливый голубой ковер в гостиной, отдирали доски пола и простукивали перегородку за задней стенкой шкафа — им показалось, будто там прослушивается пустота. По двору расхаживали псы, заглядывали в спальню и куда только можно. Я знал,

что это за собаки. У таких в глазах белыми зубами оскаливалась сама смерть. Пока я стоял, ко мне подошел какой-то тощий малый с фотоаппаратом и стал снимать. Мне даже в голову не пришло его остановить.

— Нет картинки — нет статейки, — бросил мне он перед тем, как уйти.

Мне было невдомек, что под этим имелось в виду, но на прощание он весело помахал мне рукой, поэтому я ответил ему тем же.

— Что с вами, мистер Баннерман?

Детектив в женском облике — вконец замотанная — напоминала собой опоссума.

— Ничего.

Меня трясло. «Молчок, Малыш Тедди». Зубы отбивали чечетку, будто я страшно замерз, хотя мне было жуть как жарко.

— Но вы закричали! Произнесли мое имя и, как мне показалось, слово «зеленый».

— Должно быть, подумал о той истории, которую напридумывал себе в детстве... О потерявшихся мальчиках, превращавшихся у озера во всякие зеленые штуковины.

Она окинула меня взглядом, который я хорошо знал. На меня все время так смотрели. Я крепко прижался к стволу дубка в палисаднике. Дерево наделяло меня своей силой. Что тут можно было сказать? Если и было что-то, то оно парило прямо над кромкой моих мыслей.

— Мистер Баннерман, это ваше единственное жилище? Другого дома где-нибудь поблизости у вас нет? Охотничьей сторожки или чего другого в этом роде?

Она вытерла с верхней губы пот. На нее непосильным грузом давили проблемы, будто ей на спину взвалили тяжеленную наковальню.

— Нет, — ответил я. — Нет, нет и нет.

Разговоров о воскресном убежище она бы не поняла.

В конце концов полицейские ушли. У них просто не было другого выхода, потому как после обеда я постоянно торчал у супермаркета «7-Eleven», это любой может подтвердить. Об этом же свидетельствует и запись с камеры видеонаблюдения. Я занимался там тем, что сидел на тротуаре у раздвижных дверей, а когда они разъезжались в стороны, выпуская в облаке прохладного воздуха очередных покупателей, просил у них конфетку. Иногда, когда у кого-то были сладости, мне что-нибудь давали, а порой даже специально покупали. Мамочка, узнай об этом, наверняка сгорела бы от стыда, но я так любил сладости. И никогда даже близко не подходил ни к озеру, ни к Девочке с фруктовым мороженым.

Когда полицейские наконец закончили и позволили мне вернуться в дом, там повсюду витал их запах — шлейфы одеколona, пота, пронзительно воняющей резины и химикатов. Меня огорчало, что они видели дорогие моему сердцу вещи, в том числе фотографию Мамочки и Папочки. Снимок уже тогда практически выцвел, и черты их лиц почти поблекли. Они прощались со мной, растворяясь в белизне. Еще на полке стояла сломанная музыкальная шкатулка — Мамочка привезла ее из своего далекого дома. Она уже не работала. Я расколотил ее вместе с матрешками в день, когда произошла история с мышонком. Сорванная со своего пьедестала крохотная балеринка тогда упала на пол и умерла. Может, из-за этого мне стало еще хуже. (Не знаю почему, но я называл ее Элоизой; она попросту выглядит именно как Элоиза.) В моих ушах звучал мелодичный Мамочкин голос. *Ты забираешь у меня что только можно, Теодор. Все забираешь, забираешь и забираешь.*

Все эти люди смотрели своими глазами на мои вещи, отчего у них в головах рождались собственные мысли, и дом уже не ощущался моим.

Я закрыл глаза и сделал глубокий вдох, чтобы успокоиться. А когда вновь их открыл, мне в ответ самодовольно улыбнулась матрешка. Рядом с ней стояла музыкальная шкатулка. Гордо выпрямившись, балеринка Элоиза грациозно вскинула над головой руки. С фотографии улыбались Мамочка и Папочка. Прекрасный оранжевый ковер радовал ноги мягкими катышками.

Мне сразу же стало лучше. Все было в порядке. Это мой дом. В ладонь ткнулась головой Оливия. Я засмеялся и подхватил ее на руки.

И от всего этого почувствовал себя совсем хорошо. Но на чердаке над моей головой завозились зеленые мальчики.

На следующий день я попал в газету, прямо под заголовок «Обыск в доме подозреваемого». Я стоял перед своим жилищем. Полицейские обыскали и другие дома, однако из статьи могло показаться, что побывали они только у меня. Другие, надо полагать, оказались достаточно умны, дабы прикрыть руками лица. *Нет картинки — нет статейки.* Мою фотку поместили рядом со снимком Девочки с фруктовым мороженым, что само по себе уже представляло отдельную историю.

Названия улицы к фотографии не прилагалось, но ее, по всей видимости, все равно узнали. В окна полетели камни и кирпичи. Много. Стоило мне заменить стекло, как в него тотчас опять влетал камень. Мне показалось, я схожу с ума. Это повторялось столько раз, что я сдался и заколотил окна фанерой. Нападавшие подостыли. Какой интерес швырять булыжники, если

больше нечего разбить? Я перестал днем выходить на улицу. Для меня наступили скверные времена.

Девочку с фруктовым мороженым — то есть газету с ее фотографией — я положил в чулан под лестницей. Чтобы сунуть ее в самый низ кучи, мне пришлось наклониться. И в этот момент мне на глаза попался магнитофон, едва выглядывавший из-под горы печатной продукции на полке.

Я тут же его узнаю. Он принадлежал Мамочке. Снимаю аппарат с полки. От прикосновения к нему возникает странное чувство, будто рядом звучит шепот, который мне не разобрать.

Пленка уже в аппарате — половина записана, вторая пуста. Старая, с полосатой, желто-черной этикеткой, кассета. Правильный Мамочкин почерк. *Заметки.*

Слушать я ее не слушаю. И так знаю, что на ней. Мамочка всегда наговаривала свои заметки вслух. Она слегка спотыкалась на согласных, и избавиться от этого до конца ей так и не удалось. В звуках ее голоса слышалось море. Мамочка родилась далеко-далеко, под темной звездой.

«Просто оставь его в покое, — думаю я, — забудь, что ты его видел».

Я съел маринованный огурчик и теперь чувствую себя гораздо лучше. В конце концов, все это случилось давным-давно. Становится все светлее, природа обещает самый замечательный день. Прилетят птицы. Каждое утро они высыпают из леса и опускаются у меня на заднем дворе. Желтогорлые певуны, королюки, овсянки, клесты, воробьи, черные дрозды, голуби. Их там пруд пруди — один красивее другого. Мне нравится за ними наблюдать. В надлежащем месте я проделал в куске фанеры аккуратную дырочку нужного размера, обеспечив полный обзор заднего двора. Помимо про-

чего, я постоянно слежу, чтобы была вода и никогда не пустовали кормушки. В такую жаркую погоду птицам порой бывает несладко.

Я уже собираюсь за ними понаблюдать, как в любой другой день, но в этот момент у меня что-то екает в груди. Порой нутро узнает о чем-либо быстрее мозга. Что-то явно не так. Слишком уж тихое это утро. Я говорю себе не дурить, делаю глубокий вдох и припадаю глазом к отверстию.

Первым делом вижу сойку. Она лежит в самом центре лужайки. Яркая мешанина ее перьев сверкает, словно нефтяное пятно на воде. И судорожно дергается. Одно крыло молотит по воздуху в отчаянной попытке взлететь. На земле птицы всегда выглядят неестественно. Задерживаться там надолго им не положено.

Дрожащими руками я поворачиваю ключи в трех массивных замках двери черного хода. *Щелк, щелк, щелк.* И даже сейчас трачу несколько секунд, чтобы обратно их запереть. Птицы лежат на опаленной знонем траве, разбросанные по всему двору. И без конца барахтаются, безнадежно застряв в каких-то непонятных штуковинах, издали напоминающих куски коричневатой бумаги. Многие, особой двадцать, уже мертвы. Другие еще живы. Подсчитав, я обнаруживаю, что продолжают биться семь сердечек. Птицы хватают клювиками воздух, высунув в агонии узкие черные язычки.

Мои мысли стайкой муравьев разбегаются в разные стороны. Дабы понять, что произошло, достаточно сделать три вдоха. Ночью кто-то пришел и установил у каждой кормушки клеевые ловушки, обернув ими проволочные клетки и прикрепив к подвешенным на тетиве шарам. Прилетев на рассвете покормиться, птицы клювиками и лапками увязли в липкой массе.

«Убийство, убийство, убийство...» Я могу думать только об этом и ни о чем другом... Кто мог так поступить с птицами? Потом в голову приходит другая мысль: «Надо разобраться. Нельзя допустить, чтобы это увидела Лорен».

У проволочной изгороди припала к земле бездомная полосатая кошка, пожирающая картину происходящего своими янтарными глазами.

— Пошла прочь! — ору я.

Затем хватаю первое, что попадает под руку, — пустую банку из-под пива — и швыряю в нее. Снаряд летит мимо и попадает в столб. *Баммм*. Зверюга уходит, медленно переставляя свои лишённые когтей лапы, будто уйти было исключительно ее идеей.

Я собираю живых птиц. В моих руках они слипаются вместе, образуя дергающуюся массу, и напоминают чудовище из самых страшных кошмаров — повсюду лапки, глаза и клювики, жаждущие воздуха. Когда я пытаюсь отодрать их друг от дружки, перья отделяются от плоти. Пернатые не издают ни звука, и это хуже всего. Птицы не люди — когда им больно, они замирают.

Я отношу их в дом и предпринимаю любые мыслимые усилия, какие только приходят в голову, дабы растворить клей. Но после нескольких попыток с использованием растворителя понимаю, что делаю только хуже. Птицы закрывают глаза и судорожно дышат. Я больше не знаю, что делать. Они увязли навсегда — ни туда и ни сюда. И хотя еще не мертвы, но жить уже тоже не могут. Поначалу в голову приходит мысль их утопить, затем — разбить молотком головы. Одна идея сменяется другой, от чего меня охватывает все более жуткое, зловещее чувство. Я подумываю открыть шкаф, в котором хранится ноутбук. Может, что-нибудь подскажет Интернет. Но при этом понятия не имею,

куда положить птиц. Стоит им к чему-нибудь прикоснуться, как они тут же намертво прилипают.

Затем я вспоминаю одну передачу по телевизору. Попытаться стоит, тем более что уксус у нас есть. Орудуя одной рукой, я отрезаю кусок шланга, беру большой пластиковый контейнер «Таппервер», пищевую соду и достаю из-под раковины белый уксус. Затем аккуратно кладу внутрь птиц, герметично закрываю крышкой, а в предварительно проделанное в ней отверстие втыкаю шланг. После чего смешиваю в пакете пищевую соду с уксусом и прилаживаю его к шлангу с помощью аптечной резинки. В итоге у меня получается газовая камера. Воздух в контейнере начинает меняться, и копошение перьев постепенно стихает. Я не отвожу от происходящего глаз, ведь смерть достойна того, чтобы за ней понаблюдать. Даже когда это смерть птицы. Все заканчивается быстро. Они и без этого уже наполовину сдались от страха и жары. Последним выпускает дух голубь; его выпяченная грудка вздымается и опадает все меньше, пока не замирает окончательно.

Убийца превратил в душегуба и меня.

Я уношу трупики на помойку на заднем дворе. Безвольные, все еще теплые тельца, мягкие на ощупь. Где-то по соседству косят газон. В воздух закрадывается запах свежескошенной травы. Окрестные жители пробуждаются от сна.

— Ты в порядке, Тед? — спрашивает человек с волосами цвета апельсинового сока, который каждый день гуляет с собакой в лесу.

— Конечно, все хорошо, — отвечаю я.

Он смотрит на мои ноги, и до меня доходит, что на мне нет ни обуви, ни даже носков. Ступни у меня белые и волосатые. Я прикрываю одну из них другой, но отнюдь не чувствую себя от этого лучше. Пес тяжело дышит и скалит на меня зубы. Обычно домашние